

А. С. ПУЧЕНКОВ (Санкт-Петербург)
Санкт-Петербургский государственный университет

**«ОДЕССКИЙ НАПОЛЕОН»:
ИЗ БИОГРАФИИ А. Н. ГРИШИНА-АЛМАЗОВА**

Аннотация: Данная публикация представляет собой исследование, посвящённое изучению деятельности генерал-майора А. Н. Гришина-Алмазова в период нахождения его в Одессе в должности Военного губернатора. Уделено большое внимание характеристике личности А. Н. Гришина-Алмазова деятелями антибольшевистского движения.

Ключевые слова: Гражданская война, Гришин-Алмазов, Добровольческая армия, Одесса, интервенция.

A. S. PUCHENKOV (Saint-Petersburg)
Saint Petersburg State University

**«NAPOLEON FROM ODESSA »:
FROM OF THE BIOGRAPHY OF A. N. GRISHIN-ALMAZOV**

Annotation: This paper is a review study, devoted to the study of the activities general-major Grishin-Almazov during his stay in Odessa in the post of Military Governor. Attention was paid to the characterization of the personality of A. N Grishin-Almazov as leaders of the anti-Bolshevik movement.

Keywords: Civil War, Grishin-Almazov, Volunteer Army, Odessa, intervention.

Алексей Николаевич Гришин-Алмазов (1880-1919) – одна из самых ярких и незаурядных фигур в истории российской Гражданской войны. Управляющий военным министерством Временного Сибирского правительства и легендарный одесский диктатор оставил о себе по-настоящему долгую память. Все важнейшие события его жизни уместились в последний ее год – 1918-1919. Судьба, которая почему-то посчитала вывести Гришина-Алмазова на уровень общероссийского масштаба, отвела ему слишком мало времени. Нельзя в полной мере согласиться с мнением историка сибирской контрреволюции В. И. Шишкина, по утверждению которого, «биография Гришина, однако, вызывает интерес не только по причинам сугубо личного характера: его необычным карьерным взлетом и еще более странным падением...» [1]. Ничего особенно «странного» в падении Гришина-Алмазова увидеть нельзя: никто не в состоянии предвидеть то, как сложилась бы судьба генерала в последующих перипетиях Гражданской войны. Правда, на наш взгляд, заключается в другом: несмотря на высокие посты, которые занимал Алексей Николаевич в течение последнего года своей жизни, он всегда был «свой среди чужих, чужой среди своих». Гришин был слишком правым для сибирских и одесских кадетов, слишком левым для кад-

ровых офицеров, без особенного пиетета относившихся к скороспелому производству в генералы Алексея Николаевича и видевших в нем чуть ли не революционера – уж если не по политическим убеждениям, то по духу.

Пиком политической карьеры Гришина-Алмазова был, конечно, короткий, но вместивший в себя по своей насыщенности целую жизнь, период его пребывания на посту диктатора Одессы. Не вдаваясь в рассказ о предыстории этих событий, освещенных в одной из работ автора этих строк, [2] отметим, что еще прежде – в Сибири – Алексей Николаевич проявил себя как крайне незаурядная личность, сумел создать сильную армию и проявил качества «деятельного и умелого военного организатора» [3, 4]. В Сибири, однако, Гришин-Алмазов не прижился. Оказавшись в сентябре 1918 г. в вынужденной отставке, генерал принимает решение, воспользовавшись советом генерала В. Г. Болдырева, уехать в Добровольческую армию генерала А. И. Деникина для продолжения дела борьбы с большевиками [5]. Гришина-Алмазова привлекало имя Верховного Руководителя Добровольческой армии генерала М. В. Алексева, обладавшего абсолютным авторитетом в офицерской среде. Гришин не мог знать, что Алексееву суждено было прожить всего лишь несколько дней, и 25 сентября (8 октября) Михаила Васильевича не стало. В письме жене Гришин-Алмазов выражал уверенность в том, что «офицерство... все надежды возлагает на меня и на генерала Алексева»; «у Алексева я буду встречен хорошо, так как приехавший оттуда офицер говорит, что там меня знают...»; «все мною интересуются, все надеются на то, что из армии Алексева придет спасение России» [5]. В Уфе Гришин-Алмазов заручился поддержкой генерала Д. А. Лебедева, составившего по просьбе Алексея Николаевича рекомендательное письмо на имя адъютанта генерала Алексева А. Г. Шапрона дю Ларре, в котором один из самых известных в будущем колчаковских военачальников уведомлял Алексея Генриховича о том, что Гришин – «целиком стоит на идеях Добровольческой армии. Я с ним договорился до конца и прошу тебя вступить с ним в дела, доверяя ему безусловно и во всем. Прошу тебя познакомить его со всеми и рекомендовать, имея в виду, что это один из самых крупных и популярных деятелей Сибири, особенно в кругах военных и не-социалистических. Доложи о нем генералу Алексееву, тонко указав, что он крупная величина, пользуется здесь большим доверием...» [6].

Генерал добрался за 38 дней до Екатеринодара, и был командирован в Яссы генералом А. И. Деникиным. В Яссах Гришин-Алмазов принял участие в знаменитом Ясском совещании русских общественных деятелей, на котором он сделал доклад о положении в Сибири [7]. Из Ясс Гришин-Алмазов прибыл в Одессу, где уже успел заявить о себе, дав интервью представителям местной прессы, в котором изложил свою программу борьбы с большевизмом. Если все сложится благоприятным образом, заявил генерал, «к будущей осени вся Россия будет освобождена от большевиков» [8]. По утверждению Гришина-Алмазова, большевизм может быть сокрушен лишь при условии существования «соответствующей вооруженной силы», начало которой «у нас уже есть в лице Добровольческой армии» [8]. Несомненно, что подобные взгляды Гришина-Алмазова не могли не найти влиятельных приверженцев. Одним из таких сто-

ронников молодого генерала был видный политический деятель В. В. Шульгин, поверивший в счастливую звезду Гришина-Алмазова. «Генерал этот был умен, талантлив и в высшей степени энергичен», – вспоминал о нем позднее В. В. Шульгин [9]. Другой видный современник, кадет М. М. Винавер, так описывал свои впечатления от Гришина-Алмазова: «Невысокий, хорошо сложенный, всегда чисто выбритый, с правильными, энергичными чертами лица, с властными жестами, Гришин-Алмазов явно позировал на Наполеона. Только слишком он был речист и слишком хвастлив для Наполеона» [10]. Бывшему главнокомандующему войсками Уфимской Директории генералу В. Г. Болдыреву Гришин-Алмазов запомнился человеком суховатым, небольшого роста, «внешностью и манерой говорить, напоминавший несколько Керенского...» [11]. «По характеру своему и манере говорить он мне немного напоминал Керенского», – схожее впечатление от Гришина-Алмазова осталось и у бывшего начальника Петроградского охранного отделения К. И. Глобачева [12]. Болдырев в то же время отмечал несомненные «организаторские дарования, энергию и решимость» Гришина-Алмазова [11]. В Сибири у генерала была репутация «весьма талантливого, но беззастенчивого карьериста», писал в своих записках о Гришине-Алмазове министр иностранных дел в правительстве Колчака И. И. Сукин [13]. Главнуправляющий делами Верховного правителя А. В. Колчака Г. К. Гинс обращал внимание на такие недостатки Гришина-Алмазова как излишнюю самоуверенность и «молодую самовлюбленность» [14]. В свою очередь, профессионализм Алексея Николаевича не вызывал у современников никаких сомнений: будучи управляющим военным министерством Гришин-Алмазов, как вспоминал министр снабжений Сибирского правительства И. И. Серебряников, «казался на своем посту вполне подходящим человеком» [15]. Приятное впечатление Гришин-Алмазов произвел и на такого искусственного в военном деле человека, как профессора Николаевской Академии Генерального Штаба М. А. Иностранцева. Судя по воспоминаниям Иностранцева, взгляды, высказываемые Гришиным-Алмазовым, свидетельствовали «о большом государственном уме этого, сравнительно молодого человека, и о целесообразном плане государственного строительства, представляемом им себе» [16]. Иностранцев был поражен тем, насколько «глубоко и правильно понимал он [А. Н. Гришин-Алмазов. – Авт.] революционные настроения масс и требования текущего момента» [17].

Однако далеко не все крепкие военные профессионалы обладают способностями политика и желанием стать диктатором. Гришину-Алмазову, видимо, нравилась как политика, так и свое участие в политике. Твердый и решительный офицер, видимо, сравнивал себя с неуверенными и неспособными к созидательной деятельности сибирскими политиками, приходя к неизбежному в таких случаях выводу: он может не просто состояться в политике, а занимать в ней высшие посты. Такая уверенность возрастала в нем день ото дня. «Амбициозность» генерала отмечается и исследователем В. И. Шишкиным, [18] не оставалась она незамеченной и современниками. Так еще летом 1918 г. будущий колчаковский премьер П. В. Вологодский отметил в своем дневнике, что Гришин-Алмазов «по типу своему Н[аполеон] Бонапарт», прибавив, правда, что

«еще рано появляться Наполеонам на сибирском горизонте», [19] а уже упомянутый генерал Болдырев писал о том, что «в погоне за фразой» Алексея Николаевича уже в 1918 г. «часто проскальзывала трудно скрываемая склонность к диктатуре» [20]. Действительно, «Наполеоном» Гришину-Алмазову суждено было стать не в Сибири, а на Юге – в Одессе. Интересную, и как кажется, достаточно объективную характеристику как самого Гришина-Алмазова, так и его отношения к политике, сделал в своем дневнике старший адъютант генерала подпоручик Б. Д. Зёрнов: «Очищение от большевиков Сибири – несомненная заслуга генерала, создавшая ему справедливую популярность и за пределами азиатской России и вскружила ему голову. Хороший строевой артиллерийский офицер, несомненно способный и порядочный человек, хлебнул большой глоток из чаши политики и этот яд отравил его, проявился вкус к политической работе в широком масштабе. Прошлое военного министра и главнокомандующего заставляет его высоко расценивать свою особу. Почти что диктатор Сибири, властно диктовавший свою волю правительству, популярный в войсках – он не мог успокоиться после вынужденного ухода от власти. Едет в Добровольческую армию («историческая поездка», как он ее называет). Здесь он обласкан Деникиным и Драгомировым, польщен вниманием всех общественных и политических кругов; немедленно получил почетную командировку в Яссы. И снова закружилась голова. За 2 месяца совместной жизни (кстати, сегодня ровно 2 месяца, как мы выехали из Уфы) я убедился, что генерал как-то равнодушен к воинской славе, к лаврам строевым, влечет политическая деятельность, его пьянит перспектива делать «большую политику». Его искренняя любовь к России и преданность делу Доброармии для меня несомненна, но меня страшит это безудержное стремление «делать политику» в такой ответственный момент со стороны человека, недавно вступившего на этот путь, еще малоопытного и склонного зарываться. С приходом союзников возникнет масса вопросов о подчинении и взаимоотношениях, до болезненности тонких и деликатных. Их разрешение требует работы тонкого и опытного дипломата. Мне кажется, что это не по силам генералу» [21].

«Тонким и опытным дипломатом» Гришин-Алмазов безусловно не был, но его решительность и несомненный ум позволили добиться расположения сверхвлиятельного в то время в Одессе Шульгина. Несмотря на «революционный» характер генеральства Гришина-Алмазова, новоиспеченный генерал был, по обоснованному наблюдению московского историка А. С. Кручинина, человеком довольно консервативных взглядов, [22] или же просто – «умеренных», по аттестации канадского исследователя Нормана Перейры [23], в течение всего 1918 г., как заметил исследователь Н. С. Ларьков, постоянно эволюционировавшим вправо [24], что и позволило ему заручиться поддержкой Шульгина. Именно поддержка членов Особого совещания В. А. Степанова и В. В. Шульгина, формально представлявших в Одессе власть генерала Деникина, позволила Гришину-Алмазову обеспечить «легитимность» своей будущей диктатуры. В этой связи неправомерной выглядит формулировка полковника Е. Э. Месснера, писавшего в своих воспоминаниях о том, что Гришин-Алмазов «околдовал одесских кадет, в металлическом тембре его голоса почувствовавших

стальную волю...»[25]: кадеты не сыграли в карьере Алексея Николаевича никакой особой роли. Именно правый Шульгин и подчиненный ему по контрразведывательной организации «Азбука» Степанов, также аттестуемый Деникиным как «правый» и кадет только по формальной принадлежности к партии, но не по политическим убеждениям [26], и позволили Гришину-Алмазову получить формальную санкцию на будущую «диктатуру». Гришину-Алмазову предстояло решить непростую задачу. Сложность обстановки хорошо описана в дневнике адъютанта Гришина-Алмазова, подпоручика Б. Д. Зёрнова: «Надежды на успех нет почти никакой. Среди сановных обитателей «Лондонской» начинается некоторая паника. Мы начинаем подумывать о штатском платье и о переходе на нелегальное положение... По тротуарам бродят толпы одесситов, беспечных, праздных и равнодушных к политике. А гроза недалеко» [27]. В ситуации общей дезорганизованности Гришин-Алмазов проявил свои лучшие качества: он взял добровольцев в суровую (даже беспощадную) дисциплину, и стал давать толковые, ясные приказания, сразу прекратившие панику [28].

4 декабря 1918 года в Одессе высадился первый эшелон французских войск, а 5 декабря после ожесточенного десятичасового боя Одесса была взята белыми добровольцами под командованием генерала А. Н. Гришина-Алмазова, в распоряжение которого было назначено десять французских офицеров и сорок солдат, приданных отдельными колоннами. На требование французского командования сдать оружие и покинуть город, петлюровцы не ответили. Потери сил Гришина-Алмазова составили около двухсот человек, более тридцати добровольцев было захвачено петлюровцами в плен и расстреляны. Почти все убитые были офицерами [29]. Как утверждал представитель Украины при австро-венгерском главном командовании Одессы генерал от кавалерии Г. О. фон Раух, «Заслуга этого дня всецело принадлежала генералу Гришину-Алмазову» [30]. Между тем потери добровольцев были серьезны, что позволило находившемуся в Одессе В. М. Пуришкевичу даже назвать Гришина-Алмазова за этот кровавый бой «спекулянтom крови» [31]. Сдавший же Гришину-Алмазову власть в Одессе адмирал Д. В. Ненюков в своих воспоминаниях нашел в себе мужество признаться, что «среди нашего тогдашнего безлюдья, он [А. Н. Гришин-Алмазов. – Авт.] безусловно выдавался, и мог считаться крупной фигурой» [32]. Город был освобожден русскими силами при содействии союзников, обещавших скорую и масштабную помощь. Все это заставляло сторонников белых верить в наступление лучших времен. По словам Ивана Бунина, впервые с момента начала революции на русском небосклоне, благодаря самоотверженности добровольцев, промелькнул «хоть луч надежды» [33].

7 декабря 1918 г. Шульгин просил Деникина об утверждении А. Н. Гришина-Алмазова на должность Военного губернатора города. В тот же день Деникин назначение Гришина-Алмазова утвердил, [34] предписав новоиспеченному губернатору «вступить в командование частями Добровольческой армии в г. Одессе, а также принять на себя формирование новых частей там же. Одновременно с Сим Вице-адмиралу Ненюкову предложено оказывать Вам содействие, оставаясь Вашим помощником по морской, административной и политической частям» [35]. Кроме того, Деникин предоставил Гришину-Алмазову в

отношении подчиненных ему частей права командира корпуса, и приказал ему произвести в Одессе и ее районе мобилизацию офицеров в возрасте до 40 лет [36]. Еще ранее обязанности военного губернатора Одессы были возложены на Гришина-Алмазова французским командующим генералом Бориусом [37].

Это назначение было воспринято в Екатеринодаре неоднозначно. «Правил Одессой молодой сероглазый губернатор Гришин-Алмазов, о котором тоже ничто в точности ничего не знал. Как случилось, что он оказался губернатором, кажется, он и сам не понимал», – писала известная писательница Тэффи (Н. А. Лохвицкая), очевидица тех незабываемых дней [38]. Личность военного губернатора Одессы, генерал-майора А. Н. Гришина-Алмазова, действительно, была совершенно никому не известна, о его прошлом слагались самые противоречивые слухи: говорили, что он «мальчишка и самозванец и произведен в генералы какой-то татарской бандой» [39], «домовым комитетом» [40], некоторые добровольцы называли его «загадочной личностью революционного толка» [41], зловещие истории рассказывали и об экзотическом конвое Гришина-Алмазова, носившему официальное наименование «Особого Татарского отряда» под командованием ротмистра Бекарбека Масловского. Конвою приписывали, в частности, бессудные расстрелы большевиков, наделавшие в те дни много шума в Одессе [42]. Современники обращали внимание на склонность Гришина-Алмазова к позерству, эффектным жестам, карьеризму. «Он выдвинулся с помощью революционной демагогии и поэтому оказался не у места в контрреволюционном стане – сперва в Сибири, а потом и на Юге России», – писал служивший под началом Гришина-Алмазова полковник Е. Э. Месснер [43]. Безусловно, что аналогичным образом – т. е. как «революционного демагога» – рассматривал, во всяком случае, поначалу, Гришина-Алмазова и Деникин. Несомненно, что Деникина смущал как «революционный» способ назначения одесского диктатора (фактически Деникин утвердил Гришина-Алмазова, уже занявшего до этого свой пост без санкции Антона Ивановича), так и пореволюционному стремительное производство Алексея Николаевича в генералы. Безусловно, что Гришин-Алмазов в роли властителя приморского города вел себя как полновластный диктатор, по-видимому, сознательно стремясь остаться в памяти всех, с кем он сталкивался, в образе харизматичного вождя.

Колоритное описание одного короткого эпизода из жизни Гришина-Алмазова-диктатора принадлежит добровольцу П. Московскому, писавшему свои воспоминания спустя считанные месяцы после краха одесской интервенции: «Небольшого роста человек, еще молодой, бритый или вовсе без растительности на лице, с седеющей головой и серыми глазами, при первом свидании Гришин-Алмазов произвел на меня хорошее впечатление. К назначенному сроку я дожидался в приемной, но едва я вступил в кабинет и изложил цель посещения, как от первоначального впечатления не осталось и следа. Генерал буквально метал на меня грома: “Никаких новых формирований», кричал он: “Никакой агитации, расстреливать надо”. “Следует пожалеть безответные офицерские головы”, – почтительно доложил я вспыхнувшему начальнику. “Как смеете Вы не согласиться с генералом”, – кипел далее Гришин. Я видел, что мое дело проиграно. Гришин вскочил и изо всех сил бросил в письменный стол

пребольшой нож для разрезания бумаги. Я был очень смущен, видя военного губернатора и командующего добровольческими войсками в таком раздражении и попробовал поправить дело. “Ваше превосходительство”, сказал я со всей кротостью, “я обращаюсь к Вам, как к деятелю возрождающейся Родины”. Боже, как рассердился Гришин при этих первых словах. В дальнейшем разговор принял уже сумбурный характер... Генерал кричал, что он “ни какой-нибудь штабс-капитан”. Волновался и я, потерпев полное фиаско, удалился. Но все-таки следует сказать, что на фоне Одессы это была колоритная и редкая фигура...» [44]. Совсем иную, крайне неприязненную, оценку деятельности Гришина-Алмазова дает в своих воспоминаниях уже упомянутый полковник Е. Э. Месснер: «Это был большой позер и маленький офицер... В здании Одесского Военного округа, в которое въехал наш штаб, он велел себе поставить письменный стол в огромном зале, служившем обычно для торжеств – такого большого кабинета не имел ни один полководец, ни один государственный деятель; он гонял людей по всему городу в поисках карандашей и чернил особенного зеленого цвета – другими он не мог писать... Гришин-Алмазов мелочно ссорился с французами и думал, что этим он отстаивает интересы России. Правда, французы вели себя если не пренебрежительно в отношении нас, то «победительно»: мы, мол, победили немцев, и поэтому знаем лучше вас, что вам, немцев не победивших, полезно...» [45]. Так или иначе, но очевидно и то, что генерал работал на износ, не жалея сил для того, чтобы добиться максимального успеха. Не вполне справедливо и утверждение о политическом дилетантизме генерала: напротив, можно с уверенностью говорить о том, что Алексей Николаевич, отдавая явное предпочтение советам Шульгина, все же находил возможность и время для консультаций с представителями всех не-большевистских политических организаций, работавших в Одессе. Успеха, правда, это не принесло.

У Гришина-Алмазова не сложились отношения ни с французами после удаления французского посланника Э. Энно, ни с местными политическими кругами, ни с населением, ни с добровольцами [46]. «Сам он своей внешностью и характером речи очень напоминал всероссийского говоруна Александра Федоровича Керенского. Но нельзя было от него отнять его энергии и отстаивания достоинства Добровольческой армии перед французским командованием, что и повлекло за собой неожиданную высылку его этим командованием из Одессы», – вспоминал доброволец полковник К. Л. Капнин [47]. После того, как незадолго до падения города, Гришин-Алмазов был выслан французами из Одессы, генерал был обласкан Деникиным в Екатеринодаре и отправлен им в Сибирь, в качестве личного эmissара, для передачи адмиралу Колчаку важных бумаг. Однако встреча бывшего одесского диктатора и Верховного правителя так и не состоялась. Пароходик «Лейла», на котором следовал генерал, был настигнут красными в водах Каспийского моря, а сам Гришин-Алмазов застрелился, не желая попасть в руки большевиков. Так закончилась жизнь этого «незаурядного русского офицера, которому пришлось жить и бороться в смутное и страшное время кровавого междоусобья», – как охарактеризовал генерала его биограф М. Ивлев [48]. Документы, которые застрелившийся генерал вез Колчаку, вскоре были опубликованы большевиками в газете «Правда» [49–52]. Проана-

лизировав содержание «трофейных» документов, нарком по иностранным делам РСФСР Г. В. Чичерин написал о том, что отношения деникинцев и союзников – это вовсе не «якобы ничем не омраченная тесная дружба», как это может показаться «внешнему миру», а, напротив – «сплошное недоверие» и даже ненависть, проявляемую к Антанте, со стороны «старых генералов» [53].

Был ли генерал только «хвастливым авантюристом», как утверждает московский исследователь В. П. Булдаков, [54] или же масштаб личности «одесского Наполеона» не был по-настоящему осознан современниками? И то, и другое. Несомненно, что Гришин-Алмазов выделялся на фоне других деятелей контрреволюционного стана: в нем была и решительность, и ум, и способность принимать на себя ответственность за непопулярные решения. Не было в нем лишь двух качеств, которые позволяли другим героям русской смуты дольше, чем удалось Гришину-Алмазову, удерживаться на плаву: циничной жестокости и удачи. Судьба, которая почему-то посчитала необходимым вывести Гришина-Алмазова на уровень общероссийского масштаба, отвела ему слишком мало времени. Может быть, это и было для него своеобразным подарком: Алексею Николаевичу не суждено было увидеть краха белого дела, которое он, несомненно, искренне считал олицетворением национальной России; не познал он и горечи изгнания, нищеты и забвения. Уникальность биографии Гришина-Алмазова заключается, на наш взгляд, в ее абсолютной законченности: Алексей Николаевич погиб тогда, когда его имя было у всех на слуху, еще при жизни его слава была легендарной; человек, которого многие обвиняли в склонности к трагифарсу и позерству, принял свою смерть настолько мужественно и храбро, что развеял все сомнения скептиков в закономерности его невиданно быстрого взлета. Смерть Гришина-Алмазова в чем-то была продолжением его яркой и невиданно насыщенной событиями жизни. Вряд ли следует причислять Гришина-Алмазова к типичным «авантюристам Гражданской войны»: он никогда не был сумасбродом, подобно Сорокину; садистом, как Покровский, или потерявшим всякие нравственные ориентиры «наполеончиком», как Муравьев. Скорее, можно говорить о том, что из бесконечной череды фантастически преуспевших «героев» Гражданской войны лишь успех Гришина-Алмазова был более или менее неслучайным. Перед нами – трагическая и яркая судьба несомненно талантливого и умного русского офицера, безусловного патриота; Гришин-Алмазов – еще одна жертва прекрасной и безжалостной колесницы под названием Великая Русская революция.

Библиографический список

1. Шишкин В. И. Командующий Сибирской армией А. Н. Гришин-Алмазов: штрихи к портрету // Контрреволюция на востоке России в период гражданской войны (1918 – 1919 гг.). Сб. науч. ст. / Науч. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск, 2009. С. 126.
2. Пученков А. С. Украина и Крым в 1918 – начале 1919 года. Очерки политической истории. СПб., 2013. С. 191-210.
3. Зырянов П. Н. Адмирал Колчак, верховный правитель России. М., 2012. С. 388.

4. Симонов Д. Г. Белая Сибирская армия в 1918 году: монография. Новосибирск, 2010. С. 106.
5. Журавлев Е. Н. Частная переписка А. Н. Гришина-Алмазова в фондах архива управления ФСБ России по Омской области // Гражданская война на востоке России: объективный взгляд сквозь документальное наследие: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 12–13 ноября 2014 г.) / под ред. канд. ист. наук Д. И. Петина. Омск, 2015. С. 44.
6. ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 286. Л. 1.
7. Пученков А. С. Украина и Крым в 1918 – начале 1919 года. Очерки политической истории. СПб., 2013. С. 190-202.
8. Как побороть большевизм // Одесский листок. 1918. 17 (4) декабря.
9. Рукопись В. В. Шульгина «1919 год. Интервенция» // ГАРФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 17. Л. 21.
10. Винавер М. М. Наше правительство (Крымские воспоминания. 1918–1919 гг.). Париж, 1928. С. 58.
11. Болдырев В. Г. Директория. Колчак. Интервенты. Новониколаевск, 1925. С. 33.
12. Глобачев К. И. Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения // Вопросы истории. 2002. №10. С. 65.
13. Записки Ивана Ивановича Сукина о Правительстве Колчака // За спиной Колчака. М., 2005. С. 335.
14. Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918 – 1920: впечатления и мысли члена Омского правительства. М., 2007. С. 149.
15. Серебренников И. И. Гражданская война в России: Великий отход. М., 2003. С. 353.
16. ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 423.
17. ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 425.
18. Шишкин В. И. Командующий Сибирской армией А. Н. Гришин-Алмазов: штрихи к портрету // Контрреволюция на востоке России в период гражданской войны (1918 – 1919 гг.). Сб. науч.ст. Новосибирск, 2009. С. 195.
19. Вологодский П. В. Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918 – 1925 гг.). Рязань, 2006. С. 69.
20. Болдырев В. Г. Директория. Колчак. Интервенты. Новониколаевск, 1925. С. 33-34.
21. РГВА. Ф. 40236. Оп. 1. Д. 13. Л. 10.
22. Кручинин А. С. Политические взгляды генерала А. Н. Гришина-Алмазова: лицо или маска? // История белой Сибири: материалы 6-й междунар. науч. конф. (7-8 февраля 2005 г.). Кемерово, 2005. С. 104.
23. Перейра Н. Г. О. Сибирь: Политика и общество в гражданской войне. М., 1996. С. 77.
24. Ларьков Н. С. Начало гражданской войны в Сибири: Армия и борьба за власть. Томск, 1995. С. 123.

25. ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 493. Л. 7.
26. Columbia University Libraries, Rare book and Manuscript Library, Vakhmeteff archive. (VAR). Anton&Kseniia collection. Box 12. Рукопись Деникина «Заметки, дополнения и размышления к «Очеркам русской смуты». Folder 1. P. 36.
27. РГВА. Ф. 40236. Оп. 1. Д. 13. Л. 13.
28. ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 71. Л. 1-2.
29. ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 1. Д. 17. Л. 22.
30. ГАРФ. Ф. Р-6249. Оп. 1. Д. 13. Л. 7.
31. ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 493. Л. 7.
32. ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 535. Л. 118.
33. Бунин И. А., Бунина В. Н. Устами Буниных. Дневники. М., 2004. Т. I. С. 167.
34. ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 43. Л. 272.
35. ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 43. Л. 274.
36. ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 44. Л. 5.
37. Очерк взаимоотношения Вооруженных Сил Юга России и представителей французского командования // Архив русской революции. М., 1993. Т. 16. С. 236-237.
38. Тэффи. Воспоминания. Л., 1991. С. 352.
39. ГАРФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 38. Л. 2.
40. Отдел Рукописей Российской национальной библиотеки. (ОР РНБ). Ф. 1052. Ед. хр. 37. Записки полковника Б. А. Энгельгардта. Л. 38.
41. ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 520. Л. 5.
42. Кручинин А. С. Крымско-татарские формирования в Добровольческой армии. М., 1999. С. 26-28.
43. VAR. Messner memoirs. P. VI-614. Предоставлена С. Машкевичем (Нью-Йорк).
44. ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 520. Л. 5.
45. VAR. Messner memoirs. P. IV-110. Предоставлена С. Машкевичем (Нью-Йорк).
46. Пученков А. С. Украина и Крым в 1918 – начале 1919 года. Очерки политической истории. СПб., 2013. С. 218-232.
47. ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 385. Л. 11.
48. Ивлев М. Н. Диктатор Одессы. Зигзаги судьбы белого генерала. М., 2013. С. 185.
49. Сосновский Л. Юг и Восток (по собственным признаниям деникинцев) // Правда. 1919. 13 июля.
50. Чичерин Г. Гришин-Алмазов и союзники // Правда. Москва. 1919. 31 июля.
51. Чичерин Г. Гришин-Алмазов и мелкобуржуазные партии // Правда. 1919. 7 августа.
52. Чичерин Г. Гришин-Алмазов и мелкобуржуазные партии // Правда. 1919. 10 августа.
53. Чичерин Г. Гришин-Алмазов и союзники // Правда. 1919. 31 июля.
54. Булдаков В. П. Прошлое не уходит // Российская история. 2015. № 1. С. 167.